

Чельшев Павел Валентинович

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ Ф. БЭКОНА КАК ОБОСНОВАНИЕ ИДЕИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ МАГИИ

В статье речь идет о зарождении философии науки Нового времени в трудах английского философа Ф. Бэкона, стоявшего у истоков новой научной парадигмы. Особое внимание уделено рассмотрению трех вопросов, первый из которых связан с социальным предназначением науки, второй посвящен формированию научной картины мира, и наконец, третий вопрос, вытекающий из первых двух, - о возможном синтезе науки и магии с целью творения чудес в преобразующей деятельности человека научно-техническим образом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 207-211. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

17. **Письменная Т. Г., Рябков А. Н.** Особенности государственной конфессиональной политики в отношении казаков-старообрядцев Северного Кавказа в период правления Николая I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 150-153.
18. **Рыблова М. А.** «Казачи возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 278-285.
19. **Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл** // Православие – духовно-нравственная основа казачьего мировоззрения. Церковь и казачество: сотрудничество на благо Отечества: материалы к IV Международной научно-практической конференции. М.: Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством; УКИНО «Духовное преобразование», 2014. С. 3-10.
20. **Сергеев О. И.** Российское казачество в мировых войнах первой половины XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 60-67.
21. **Таирова-Яковлева Т. Г.** «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/28_ua/ko/vleva_t2.htm (дата обращения: 23.12.2016).
22. **Тишков В. А.** Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
23. **Топорков А. Л.** Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 23.11.2016).
24. **Фукуяма Ф.** Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.
25. **Хагуров А. А., Щетнев В. Е.** Казачий менталитет: прошлое и настоящее // Возрождение казачества: тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1995. С. 15-16.
26. **Харченко В., Хоперская Л.** Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа // Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998. С. 87-104.
27. **Хрох М., Андерсон Б., Бауэр О.** От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.
28. **Черненко И. А.** Казачество как субъект регионального политического процесса (по материалам Краснодарского края): дисс. ... к. полит. н. Краснодар, 2008. 266 с.
29. **Glazer N., Moynihan D.** Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975. 215 p.
30. **Goddard C., Ye Zh.** Ethnopragnatics // Routledge Book of Language and Culture / ed. by F. Sharifani. L. – N. Y.: Routledge, 2015. P. 66-83.
31. **Hobsbaum E.** The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 320 p.

INFLUENCE OF SOCIAL MYTH-MAKING ON THE COSSACKS' IDENTITY

Filimonov Andrei Viktorovich
Transbaikal State University in Chita
A.V.Filimonov@mail.ru

The article analyzes the role of social myth-making in the process of constructing the Cossacks' identity. According to the author, social myth-making synthesizes the world of Cossack culture into a comprehensive whole, the sacred center of which is the Cossacks' values. On the basis of the comparative analysis and the methodology of constructivism the paper examines the processes of myth-making use on the part of social institutions in relation to the Cossacks that shows the causal nature of the Cossacks' identity.

Key words and phrases: social myth-making; the Cossacks' identity; constructivism; ethnic myth; autonomism; patriotism; the Cossacks' movement; the Cossacks; the neo-Cossacks.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье речь идет о зарождении философии науки Нового времени в трудах английского философа Ф. Бэкона, стоявшего у истоков новой научной парадигмы. Особое внимание уделено рассмотрению трех вопросов, первый из которых связан с социальным предназначением науки, второй посвящен формированию научной картины мира, и наконец, третий вопрос, вытекающий из первых двух, – о возможном синтезе науки и магии с целью творения чудес в преобразующей деятельности человека научно-техническим образом.

Ключевые слова и фразы: Аристотель; атомизм; Ф. Бэкон; Возрождение; капитализм; наука; Новое время; магия; методология; принципы; Средние века; схоластика; эксперимент.

Чельшев Павел Валентинович, д. филос. н., профессор
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва
Simeon5@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ Ф. БЭКОНА КАК ОБОСНОВАНИЕ ИДЕИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ МАГИИ

Исторический образ и статус науки в обществе, ее место в общественной жизни время от времени меняются благодаря развитию духовной культуры и материального производства. Экспериментальная западноевропейская классическая наука с ее принципиальной установкой на исследование природы является порождением «духа капитализма» (М. Вебер), духа наживы и предпринимательства буржуазной культуры

и капиталистического способа производства. Она диалектически «снимает» предшествующую ей средневековую науку, ориентированную на исследование различных супраматериальных сущностей, управляющих природой и человеком [21, р. 48]. Теперь целью научного познания становится анализ свойств и качеств самих природных объектов, выступающих в качестве предметов практического оперирования в преобразующем их материальном производстве – символе могущества человека, заменившего собой «умирающего Бога». Как поясняет проблему родоначальник западноевропейского эмпиризма Ф. Бэкон в «Книге второй афоризмов об истолковании природы или царстве человека»: «Дело и цель человеческого могущества в том, чтобы производить и сообщать данному телу новую природу или новые природы» [5, с. 80]. Из первой задачи вытекает вторая – «превращение одного конкретного тела в другое в пределах возможного...» [Там же].

Этот пафос превращения камней в хлеба (Мф. 4:3) [2], пафос преобразования материального мира по общей технологии диктовал потребность создания опытной науки, снабженной экспериментальным методом. Наука Нового времени, по мнению А. Ф. Лосева, должна была «творить чудеса и ошеломлять все живое своими методами» [9, с. 495-496], искусно управляя природой и человеком. И все крупные философы и ученые того времени стали решать на свой лад эту проблему. Концепция Ф. Бэкона была первой в осмыслении новой парадигмы науки, увеличивающей земное могущество человека, вообразившего себя богом. Слова И. В. Гёте точно характеризуют это мироощущение самоутверждающегося человека: «И вот мне кажется, что сам Я – бог. И вижу, символ мира разбирая, Вселенную от края и до края» [7, с. 49]. Поэтому философия науки Ф. Бэкона постоянно вызывала и вызывает интерес у исследователей, разбирающих с разной степенью глубины всяческие стороны его творчества [3; 6; 9; 11; 15; 17; 20]. В этой статье будут проанализированы вопросы, которые или односторонне поняты и истолкованы, или недостаточно полно раскрыты, или вовсе ускользают от внимания ученых.

Что же такое наука, по мнению Ф. Бэкона? С его точки зрения, наука есть особая форма познавательной деятельности, верное определение которой возможно только в контексте понимания ее общественных функций. В «Афоризмах об истолковании природы и царстве человека» он утверждает: «Не может правильно совершаться ристание, если сама мета положена и утверждена неправильно» [5, с. 43]. Однако дальнейшее рассуждение выглядит, на первый взгляд, несколько противоречивым. С одной стороны, английский философ настойчиво проводит мысль о необходимости бескорыстных научных исследований, что «созерцание света превосходнее и прекраснее, чем его многообразное использование...» [Там же, с. 73-74]. С другой стороны, он почти с религиозным энтузиазмом постоянно утверждает принцип прагматизма, согласно которому смысл научной деятельности состоит в наделении «человеческой жизни новыми открытиями и благами» [Там же, с. 43]. Это – фундаментальное противоречие между внутренними закономерностями развития науки и ее внешними общественными функциями, которое решается каждой культурой особым образом.

Дело в том, что высочайшая сила разума проявляется, говоря языком И. Канта, именно в «незаинтересованном созерцании» истины, когда знание приобретает ради него самого, что прекрасно понимали уже древние греки. Аристотель, выражая общую гносеологическую установку античной культуры, утверждал, что философы и ученые ищут знание «ради понимания, а не ради какой-то практической пользы» [1, I 2 20]. Практический интерес в какой-то момент может стать тормозом, ограничивающим свободу разума в познании истины. Поэтому любое научное исследование, по мнению древних, должно быть ориентировано, прежде всего, на познание истины самой по себе.

Однако установка античной культуры на достижение «знания ради знания» неприемлема для практически ориентированной философии Нового времени. В этой связи Ф. Бэкон категорически заявлял относительно науки: «Судить о ней нужно по плодам и считать суетной ту, которая бесплодна...» [5, с. 38], на что обычно обращают внимание исследователи, когда цитируют известный афоризм философа «знание – сила». Но дело в том, что в конечном счете Ф. Бэкон все же пытается диалектически соединить эти две противоположные установки, познавательную и прагматическую.

Развитие науки осуществляется на основе внутренней логики, в которой заложено стремление к открытию чистой истины. Однако человек не может жить исключительно для знания, не может довольствоваться только духовно-гносеологическими интересами, нуждаясь в хлебе насущном. Поэтому оказывается, что настоящей наукой, по мнению Ф. Бэкона, является та, которая одновременно служит и чистой истине, и жизненным интересам человека, ибо «истина и полезность суть (в этом случае) совершенно одни и те же вещи» [Там же, с. 74]. Если же наука носит только прикладной характер, ориентирована исключительно на обслуживание производства, то ее развитие не может быть эффективным. Получение практической пользы есть всегда конечное следствие естественного развития науки, полагающей добытое знание на потребу жизни.

Важно, что Ф. Бэкон не ограничивается этим важным тезисом, но доводит свою мысль до логического конца, делая из него радикальные мировоззренческие выводы о смысле человеческой жизни. А. Ф. Лосев, комментируя бэконовскую мысль, пишет, что весь смысл человеческой жизни философ сводит к тому, чтобы «научно-техническими средствами создавать и преобразовывать всю природу наподобие Бога» [9, с. 492].

Для решения этой проблемы нужно было ввести в теорию принципы, ограничивающие и направляющие деятельность ученого. Эти принципы могут осознаваться или нет, но они должны обязательно входить в структуру науки, если ученый действительно хочет создать теорию науки, поднимающуюся над уровнем примитивного эмпирического описания действительности и обобщения фактов.

Ф. Бэкон не был дилетантом в философии, прекрасно понимая, что образ науки зависит от философского мировоззрения, которое определяет отношение ученого к миру вообще и к природе в частности. Здесь наиболее часто отмечается бэконовский принцип *эмпиризма*, вытекающий из установки культуры Возрождения

на чувственное восприятие действительности. Как поясняет Г. Гегель, «его точку зрения составляет чувственное явление, как оно получается, как оно доходит до образованного человека, размышляющего затем об этом явлении, и это соответствует выставленному им принципу, требующему, чтобы мы брали конечное и мирское как таковое» [6, с. 282]. Однако Ф. Бэкон вряд ли бы согласился с такой односторонней оценкой своих взглядов, предусмотрительно рисуя в образах насекомых три возможных способа научного познания: «путь муравья» (узкий эмпиризм), «путь паука» (рационализм) и «путь пчелы», диалектически объединяющий достоинства первых двух. Ф. Бэкон себя позиционировал именно с последним «путем пчелы». Поэтому его было бы неверно характеризовать как чистого эмпирика.

Согласно «пути пчелы» Ф. Бэкон призывает рассматривать мир в многообразии единичных тел. «В природе не существует ничего действительного помимо единичных тел, осуществляющих сообразно с законом чистые действия...» («Книга вторая афоризмов») [5, с. 80-81]. Эти тела состоят из неких первоначал, проявляющих себя на чувственном уровне в виде простых и однородных ощущений. Философ называет их «природами». Но, как справедливо подмечает И. С. Нарский, сама проблема соотношения объективно существующих единичных тел и субъективных ощущений (природ), в которых тела даны человеку, четко не сформулирована мыслителем [11, с. 38]. Этот вопрос будет позже подробно обсуждаться в гносеологически ориентированных трудах Беркли, Юма, Локка и Канта.

Важно отметить, что строить теорию, претендующую на получение объективного научного знания, на основе текучей и непостоянной чувственности – дело достаточно неблагодарное, если и вовсе не бесполезное. Чувственное восприятие действительности не может быть последней точкой отсчета в научном познании. Оно само нуждается в опоре. Ф. Бэкон в этом вопросе решительно выступает против того, что впоследствии будет действовать под вывеской позитивизма. Напомним, что позитивизм утверждает возможность получения подлинного, положительного знания только в рамках естественных специальных наук, опирающихся исключительно на эмпирические факты, якобы свободные от каких-либо мировоззренческих предпочтений, – наивная вера многих ученых и философов XIX-XX веков [8, с. 256-257].

Это заставляет Ф. Бэкона сформулировать второй философский принцип, суть которого можно свести к положению о сопричастности природе вещей неких определенных форм, которые фиксируются уже не чувствами, но умом, поднимая исследование до уровня теории. Каждая «природа» проявляется в соответствующей ей «форме», а каждая «форма» выражает определенную «природу». Они соотносятся друг с другом как сущность и явление. И. С. Нарский конкретизирует эту мысль, выделяя у Ф. Бэкона целых три значения формы. Во-первых, «это сущность или внутренний источник того, что данная вещь является именно такой, а не иной» [11, с. 39]. Во-вторых, «это внутренняя достаточная и необходимая причина появления данных «природ» [Там же, с. 40]. В-третьих, «это существенный закон появления и изменения (движения) “природ” в данной вещи, “закон действия” материи в ней» [Там же].

Все эти рассуждения Ф. Бэкона протекают в контексте «антично-средневекового аристотелизма» [9, с. 485], от которого мыслитель постоянно формально отрекся. Первая форма соответствует *материальной*, вторая – *действующей*, а третья – *формальной* причине Аристотеля. Эти три характеристики формы Ф. Бэкон сводит в одном общем определении: «Когда мы говорим о формах, то понимаем под этим не что иное, как те законы и определения чистого действия, которые создают какую-либо простую природу... во всевозможных материях и воспринимающих их предметах» [5, с. 110]. Но кроме указанных форм существуют еще две, которые практически не рассматриваются Ф. Бэконом, но указывают на связь его учения не только с аристотелизмом, но и с платонизмом. Это – *видовые* и *абстрактные* формы, которые не определены в материи или плохо там выражены, существуя независимо от нее [Там же]. Но в любом случае изучение форм, «которые вечны и неподвижны» [Там же, с. 87], уводит научное познание от примитивного эмпиризма, с которым обычно пытаются отождествить учение английского мыслителя.

Учение Ф. Бэкона о формах находит свое окончательное завершение в античном атомизме. Но это есть не простое воспроизведение демокритовского атомизма, рассматривающего атом в виде простого неделимого минимального тельца, которое прямолинейно движется в бесконечном пространстве «к центру земли» («О мудрости древних») [Там же, с. 268], а принципиально новый взгляд на вещи. А. Ф. Лосев справедливо называет это учение Ф. Бэкона о самопроизвольно отклоняющихся от прямой траектории движения атомах «амурным» [9, с. 490]. Дело в том, что, с точки зрения Ф. Бэкона, в атомах заложено некое изначальное стремление, которое философ называет на античный лад Купидоном или Амуром. Этот Амур, существующий в атоме, – пишет Ф. Бэкон в XVII афоризме «Купидон, или Атом», – является «после Бога причиной причин», производя «все разнообразие вещей» [5, с. 266-268]. Вот это-то учение об Амуре и есть самое интересное место в довольно беспорядочных, иногда скучных и порою противоречивых рассуждениях автора, который скорее не доказывает, а пророчествует, предвосхищая «появление биохимии и даже современной атомной физики» [12, с. 117], забегая в XX, XXI и в последующие века человеческой цивилизации [9, с. 493].

В чем же здесь проблема? Обычно наука выделяет две формы материи: *неорганическую* и *органическую*. Еще с античных времен неживая материя рассматривалась философами как инертная субстанция, полностью объясняемая законами механики. Живая же материя характеризуется способностью к избыточному самовоспроизводству, в основе которого лежит деление клетки – кирпичика, из которого появляются все живые организмы от самых простых (инфузории и амебы) до человека. Синтезирование белка осуществляется с помощью ДНК и РНК. Говоря образно, ДНК «можно назвать “библиотекой” клетки, в которой хранятся все чертежи ее строения... а “переписчиками” служат молекулы так называемой рибонуклеиновой кислоты (РНК)» («Синтез белка») [19, с. 67-68].

Однако сегодня четкое научное разделение объектов на эти две противоположные категории живого и неживого сталкивается с большими трудностями в связи с открытием в 1892 году русским ботаником Д. И. Ивановским вирусов (от лат. *virus* – яд). Они занимают некое промежуточное положение, «находясь как бы на самой границе живого и неживого» («Вирусы») [Там же, с. 146]. Вирусы являются неклеточными агентами, кристаллами, «которые вне клеток организма не обладают ни одним из атрибутов живого...» [10, с. 186], но которые в определенные моменты времени странным образом оживают и начинают вести активную «пиратскую» деятельность по захвату чужих клеток, паразитируя в организме на генетическом уровне.

Такое поведение вирусов, оживающих в присутствии организмов, проникающих в эти самые организмы и поражающих их изнутри, вызывает ощущение некоторой магии и волшебства. Здесь можно вспомнить гоголевские вареники, которые сначала прыгали из кастрюли в миску со сметаной, а потом сами, нарушая все естественные законы природы, попадали непосредственно в рот казака Пацюка. Каким же образом? В. Н. Тростников пишет: «Вареник сам по себе не может двигаться и знать, куда нужно двигаться, значит, им управляет тот, кто это знает. Кто был одушевителем вареников, Гоголь объяснил: Пацюк был в кумовстве с чертом» [16, с. 117]. Таким образом, бэконовский Амур, создающий определенные влечения в демокритовских атомах, гоголевский вареник, оживающий посредством черта, и современные научные представления об «одержимых» навязчивым стремлением убивать все окружающее вирусах сливаются в одной точке. Бэконовский Амур (Купидон) и гоголевский черт – одна персона, «ибо все боги народов – идолы» (Пс. 95:5) [2]. А то, что вирус показывает демонические свойства – сомнения нет. Он уничтожает само ядро жизни – клетку, не имея сам по себе никакого смысла и оправдания в мироздании.

В итоге у Ф. Бэкона получается такая картина мира: есть множество различных материальных вещей и тел, существующих вне и независимо от человека. Они имеют свои «природы» и «формы», развиваясь, с одной стороны, по своим естественным законам, вложенным в природу Богом, а с другой стороны, под воздействием Амура-черта, который вносит иррациональный элемент в строгую логику мироздания. Поэтому Ф. Бэкону предельно ясно, что ученому мало знать физическую и даже идеальную сторону вещей, но ему необходимо одновременно учитывать оккультно-магический аспект действительности. Отсюда вытекает стремление мыслителя в работе «О достоинстве и приумножении наук» реабилитировать магию, которую долгое время воспринимали в дурном смысле [4, с. 233]. Он же хочет понимать магию только в хорошем смысле «как науку, направляющую познание скрытых форм на совершение удивительных дел» [Там же] «вследствие ее обширных путей и большой власти над природой» («Книга вторая афоризмов») [5, с. 87]. Так естественная наука в философии Ф. Бэкона срастается в одно целое с магией, а магия – с наукой.

Это есть, по мнению А. Ф. Лосева, «научно-техническая магия, то есть достижение чудес научно-техническим путем» [9, с. 492]. У Ф. Бэкона нет противоречия между наукой и магией – они близкие родственники. Если ученый пытается экспериментально познать вечные законы естественного физического мира (формы) и теоретически их обосновать, то маг старается различными способами установить связь естественного мира с тайными силами природы, которые невидимо управляют этим миром. Маг стремится проникнуть за ту черту, которую позитивная наука добровольно провела перед собой.

Таинственные явления природы и человеческой психики обычно изучались паранаукой [14]. Но в конце XX столетия научно-магические фантазии Ф. Бэкона стали явью в той области бытия, которая традиционно была епархией самого Бога. Мы имеем в виду сферу рождения, жизни и смерти. Современная наука «получает реальную возможность “давать” жизнь (искусственное оплодотворение), определять и изменять ее качественные параметры (генная инженерия, транссексуальная хирургия), отодвигать “время” смерти (реанимация, трансплантация, геронтология)» [13, с. 10]. Поэтому работы Ф. Бэкона можно и нужно рассматривать не только как достояние истории философии. Они в той или иной степени актуальны и сегодня в эпоху научно-технического прогресса, воплощающего в жизнь самые невероятные идеи и теории.

Список литературы

1. **Аристотель.** Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63-367.
2. **Библия.** М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988. 1008 с.
3. **Бутенко Н. А.** О методологии науки в сочинениях Ф. Бэкона и Р. Декарта // Инновационная наука. 2016. Вып. 4 (16): в 4-х ч. Ч. 4. С. 60-62.
4. **Бэкон Ф.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 367 с.
5. **Бэкон Ф.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 575 с.
6. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии: в 3-х кн. СПб.: Наука, 1994. Кн. 3. 582 с.
7. **Гёте И. В.** Фауст. М.: Художественная литература, 1969. 510 с.
8. **Зотов А. Ф.** Позитивизм // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 256-257.
9. **Лосев А. Ф.** Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
10. **Малиновский А. А.** Жизнь // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 186-187.
11. **Нарский И. С.** Западноевропейская философия XVII века. М.: Высшая школа, 1974. 379 с.
12. **Реале Дж., Антисери Д.** Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. Т. 3. 736 с.
13. **Силуянова И. В.** Современная медицина и православие. М.: Изд-во Моск. подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998. 204 с.
14. **Скоморохов М. В.** Парапсихология: наука или паранаука? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14). С. 62-65.

15. Смагин Ю. Е. Знание как власть в философии Ф. Бэкона // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Вып. 1. Т. 2. С. 18-24.
16. Тростников В. Н. Уколы смерти. Сущность вируса и его место в общей картине мира // Воробьевский Ю. Путь в Апокалипсис: точка Омега. М., 1999. С. 116-121.
17. Феллер В. В. Метафизический историзм Френсиса Бэкона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2013. Вып. 1. Т. 13. С. 57-60.
18. Чельшев П. В. Очерки по истории и философии науки. М.: МГГУ, 2009. 218 с.
19. Энциклопедия для детей / гл. ред. С. Исмаилова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аванта+, 1994. Т. 2. Биология / ред. и сост. А. Майсурян. 686 с.
20. Эрлихсон И. М. «Новая Атлантида» Ф. Бэкона в английской социально-политической и философско-теологической мысли эпохи Реставрации (1660-1689 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 66. С. 270-280.
21. Chelyshev P. V. Medieval Alchemy – the Predecessor of Experimental Science of New Time // European Journal of Natural History. 2014. № 1. P. 48-51.

FRANCIS BACON'S PHILOSOPHY OF SCIENCE AS SUBSTANTIATION OF SCIENTIFIC-TECHNICAL MAGIC IDEA

Chelyshev Pavel Valentinovich, Doctor in Philosophy, Professor
National University of Science and Technology "MISIS" in Moscow
Simeon5@rambler.ru

The article deals with the origin of the philosophy of science of modern history in works of the English philosopher Francis Bacon, who founded a new scientific paradigm. Special attention is paid to consideration of three issues, the first of which is associated with social destination of science, the second one focuses on the formation of scientific picture of the world, and finally, the third one, arising from the first two, is on possible synthesis of science and magic with the purpose of creating miracles in transforming human activity in a scientific-technical way.

Key words and phrases: Aristotle; atomism; F. Bacon; Renaissance; capitalism; science; modern history; magic; methodology; principles; The Middle Ages; scholasticism; experiment.

УДК 7.021.7

Искусствоведение

В статье впервые сопоставляются особенности топорной, выемчатой и рельефной резьбы по дереву у казанских татар, мишарей и кряшен. Раскрываются технологические особенности контурной, трехгранно-выемчатой, скобчатой, рельефно-моделированной и плоскорельефной резьбы. Отмечается общность с традиционными для тюркского мира способами художественной обработки дерева, а также прослеживается историческая преемственность применения резных техник от кочевого периода до настоящего времени.

Ключевые слова и фразы: топорный, выемчатые и рельефные виды обработки дерева; традиционная домовая резьба; народное искусство; татары; Среднее Поволжье.

Шкляева Людмила Михайловна

Институт языка, литературы и искусства
имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
Luda-next@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ ТАТАРСКИХ МАСТЕРОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XIX-XX ВВ.

В настоящее время одним из приоритетных направлений отечественной науки является изучение традиционной культуры народов, населяющих территорию современной Российской Федерации. Проблема сохранения народного искусства как части культурной самобытности приобрела особую актуальность в связи с усилением роста процессов глобализма. В качестве ответного противодействия нивелирующим тенденциям в Татарстане наблюдается подъем уровня национального самосознания. Деятельность, направленная на поиск знаков самоидентификации, охватывает традиционное художественное творчество, к которому относится самобытное искусство домовая резьба, с развитой орнаментальной системой, несущей семантическое содержание и выполняющей функцию сохранения в образах и символах исторической памяти этноса. Среди факторов, влияющих на формирование особенностей национального стиля в оформлении экстерьера татарских жилищ, значительное место отводится технике исполнения резного декора.

Традиционные для российских народов технологии народного искусства резьбы по дереву привлекали внимание исследователей еще в XIX веке [9; 10]. Способы, приемы и средства художественной обработки дерева татарскими мастерами изучались такими этнографами XX в. как Н. И. Воробьев (1930, 1953),